

Олег Николаевич Кен и его проект «Бывшие люди»

21 июня 2005 года было большим днем в жизни доктора исторических наук Олега Николаевича Кена. В тот день в Европейском университете в Санкт-Петербурге состоялась презентация проекта под названием «Архив Большого дома», органической частью которого должна была стать публикация документов архива УФСБ по Петербургу и Ленинградской области, относящихся к операции НКВД «Бывшие люди». В ходе этой операции, официально начатой 28 февраля (по другим данным, 1 марта) 1935 года и закончившейся к апрелю того же года, были подвергнуты кратковременному аресту и затем, за редким исключением, высылке из Ленинграда и пригородов свыше 11 000 человек. О. Н. Кен работал над пятью томами проекта сначала вместе с профессором Н. А. Ломагиным, а потом один. Он успел вчерне подготовить к изданию первый том документов и материалов, снабдив их предваряющим очерком о начавшихся после убийства Кирова массовых репрессиях в Ленинграде. Кроме того, в ходе этой работы им были написаны четыре очерка, которые опубликовала петербургская газета «Дело»¹.

Скоростипная смерть О. Н. Кена от острой сердечной недостаточности в ночь на 28 октября 2007 года оборвала полномасштабное воплощение этого замысла. В год пятилетия со дня смерти ученого я поставил перед собой единственно возможную задачу: рассказать о проекте, обещавшем стать событием в отечественной историографии советского периода. Этим я отдаю дань памяти Олегу Николаевичу Кену — выдающемуся российскому историку, автору трудов по политической истории России XX века, истории международных отношений СССР в 1920-е и 1930-е годы и межвоенной истории Польши.

Месяц спустя после презентации проекта, в середине июля 2005 года, О. Н. Кен дал обстоятельное интервью радиостанции «Свободный голос»², в котором подробно рассказал о стоящих перед авторами проекта проблемах, а также поделился своим пониманием путей их решения. Ниже я предлагаю вниманию читателей разбитый на содержательные блоки и в меру необходи-

---

¹ Под общим заголовком «Архивы КГБ: Обыкновенная трагедия: Ленинград, 1935-й» очерки «Security Unlimited» (21 января 2006 г.), «Инвалид Красной армии» (30 января 2006 г.), «Братья и сестры» (6 февраля 2006 г.), «Ровесник века» (13 февраля 2006 г.) выложены в Интернете на сайте газеты «Дело» (см.: <http://www.idelo.ru> в разделе «Архив»).

² Полный текст интервью выложен на сайте радиостанции «Свободный голос» (см.: <http://www.freevoiceradio.narod.ru> в разделе «Гости»).

мости слегка отредактированный монтаж прямой речи Олега Николаевича из того очень содержательного интервью¹.

(1) Кто такие «бывшие люди», тогда, в 1935-м, не знал никто

Под это неопределенное понятие попали люди очень разного возраста, происхождения, занятий, судьбы, в том числе немало представителей интеллигенции, что сделало эту карательную акцию сравнительно известной. В данном случае массовая операция проводилась в форме репрессий по социально-политическому признаку. Она была продиктована борьбой с контрреволюцией и терроризмом, вследствие чего объект преследования определялся произвольно. Ни деятели, инициировавшие операцию, ни тем более исполнители замысла — курсанты пограничных училищ и другие привлеченные к ней лица — не понимали, кто под определение «бывшие люди» попадает, а кто — не попадает. Вопрос этот не технический. Вопрос этот является настоящей проблемой и одновременно приговором той системе, той идеологии, которая такие начинания осуществляла.

(2) Что значит «бывший человек»?

Возьмем, например, молодого человека 34–35 лет, Петра Михайловича Обугова, который в 1935 г. учился на одном из последних курсов технического вуза. По социальному происхождению он был сыном торговца, который занимался торговлей и до революции, и после революции и к тому времени умер. Понимая, что это означает в советской России, Петр Михайлович, находясь в довольно юном возрасте, вступил в Красную Армию, как делали тогда многие, чтобы тем самым смыть с себя пятно социального происхождения. Прослужив несколько лет — напомним, что в 1920-е гг. служба в Красной Армии была делом, как правило, добровольным, — он поступил на судостроительный завод, носивший тогда имя Андре Марти, проработал там еще несколько лет, после чего бывший красноармеец стал ударником производства, которому была открыта дорога в вуз, чем он и воспользовался. Но в 1935 г. его арестовывают и в ходе очень короткого допроса устанавливают, что он таки «бывший человек», с чем Петр Михайлович, может быть, не согласен, однако следователям и начальству тоже нужно выполнить план. Ему пришлось потратить год, чтобы объяснить, что он, жена его Лида Семеновна и их годовалый ребенок вряд ли подпадают под определение «бывшие люди». Доказал! Но какой ценой?!

---

¹ Отрывки из интервью приведены курсивом.

Другой пример. Пожилой, почти восьмидесятилетний полковник царской армии, с 1918 г. находившийся на выборных должностях в Красной Армии и служивший в штабе Петроградского военного округа, неоднократно награждавшийся Реввоенсоветом Петроградского военного округа в годы Гражданской войны за необычайное усердие, один из организаторов спасения инвалидов Красной Армии в 1920-е гг. и сам инвалид, работающий в военной артели каскиром, в 1935 г. задерживается и арестовывается. (Их всех помещали на пару дней в изолятор, чтобы допросы было легче снимать.) Он обвиняется, по существу, в том, что он — «бывший человек», который относится недоброжелательно к мероприятиям советской власти и поддерживает связь со своими бывшими сослуживцами, которые, как нетрудно догадаться, относятся не к крестьянам и не к актерам, а тоже являются бывшими офицерами. На основании этого составляется заключение о его «социальной вредности» или даже «социальной опасности». Чтобы нейтрализовать «опасность», необходимо на три года выбросить этого человека за пределы города.

Часто в широко расставленные сети борцов с контрреволюцией попадали совершенно ни в чем, кроме дворянского происхождения, не повинные бабы и молодые люди, встречавшиеся с иностранными подданными, чтобы брать уроки иностранного языка, и родственники людей, владеющих собственностью за границей, с которыми они неосторожно вели переписку. Благодаря своей неопределенности дефиниция «бывшие люди» позволяла «творчески» относиться к этой задаче. Вновь назначенное после убийства Кирова руководство ленинградского НКВД должно было показать, что оно энергично работает над ликвидацией самой почвы для терроризма, а, учитывая характер предшествующих обстоятельств, это лучше всего можно было сделать либо за счет людей уже немолодых и в силу чуждого социального происхождения оказавшихся на обочине жизни, либо за счет потомков этих людей.

(3) Жертвы репрессий и их судьбы

Жертвами этого «творчества» стали, согласно статистике органов НКВД по Ленинграду и Ленинградской области, почти 6000 так называемых глав семей, а всего, включая членов их семей, свыше 11 000 человек, которые были в неправосудном, хотя и законном порядке высланы из города. Многие из них вернулись назад благодаря отменам приговоров особого совещания, которые начались уже в апреле 1935 г. в силу волны жалоб, захлестнувшей как местную прокуратуру, так и прокуратуру Союза ССР, и имели место. как это ни покажется странным, и в 1937-м, и в 1938 г. Ну и, наконец, немало людей вернулось после отбывания срока заключения. В 1940 г., непосредственно перед войной, судьбы многих сложились очень по-разному. Далек не всегда их

можно проследить, но они заслуживают внимания. Личные судьбы, личные обстоятельства — вот главное, а не те общие цифры и отдельные факты, на основании которых до последнего времени мы только и могли судить о характере этой операции и в какой-то мере о характере репрессий в Ленинграде.

На основании выборочного знакомства с полутора сотнями дел у О. Н. Кена сложилось впечатление, что эта массовая операция многих людей спасла от еще больших бед. Когда в 1937/38 году аналогичным образом, с аналогичным рвением, по еще более упрощенной процедуре, но с неизмеримо более тяжелой карой особыми тройками НКВД проводились так называемые чистки города, эти «бывшие люди», которые по некоторым внешним признакам легко могли оказаться зачисленными в подозреваемые, фактически уже обвиненные и приговоренные, находились кто в Актюбинской области, кто в Оренбургской на, как правило, невидных, очень скромных должностях рабочих или служащих низшего звена. Судя по всему, к этим образованным трудолюбивым людям, вынужденным начинать жизнь сначала, часто относились с почтением, о них заботились, их ценили и как работниками ими гордились.

Например, в Саратовской области в 1937 г. умер один человек из высланных. Он работал провизором в аптеке. В деле имеется выписка из решения месткома этой аптеки или аптечного склада о том, что, учитывая задолженность, но добросовестную и очень квалифицированную работу этого человека и трудное положение его семьи, местком похоронит работника за свой счет. Неизвестно, как сложилась бы судьба этой семьи, если бы она оказалась в этот период — с 1935-го по 1940 г. — в Ленинграде, хотя известны случаи повторного ареста и скорого суда или смерти в заключении. Нужно долгое сплошное обследование материалов архива, чтобы говорить об этом более уверенно и не играть этой трудной темой. Судя по выборочным данным, пожалуй, только несколько процентов — может быть, около 10% из числа тех, кто был осужден, — оказались для НКВД кандидатами на получение более суровых мер наказания в волну репрессий 1937–1938 гг.

(4) Чем еще полезны архивы органов государственной безопасности?

Вот только сегодня утром я читал протокол одного допроса. Допрашивают, совершенно очевидно даже с советской точки зрения, ни в чем не повинного парня: «Ну, а полковничьи погоны зачем вы хранили?» Он отвечает примерно так: «Хранил в память об отце. Это все, что от него осталось». Дело в том, что на протяжении XX в. российское общество во многом рас-

теряло естественную память. Оно растеряло не просто мемориальные вещи — оно растеряло рассказы, а те, которые сохранились — я думаю, здесь каждому из нас стоит задуматься, — как правило, носят выхолощенный или намеренно лживый характер. Ясно, что на протяжении нескольких десятилетий не передавались рассказы о том, что дедушка был кавалером Георгиевского креста 4-й степени, потому что Георгиевский крест рассматривался как награда царского режима, как отягчающее обстоятельство. И даже если не было страха, то было ощущение глубокой неуместности этого сюжета и нежелание обременять новое поколение теми вещами, которые мешали адаптации, были помехой развитию советского общества. В итоге многие знания, простые и незатейливые, о судьбах родных, о роде их занятий, в некоторых случаях об их отношении к каким-то социальным реалиям оказались почти полностью утраченными. Исключениям из этого печального положения дел мы «обязаны» архивам карательных органов. Арестовывая человека, сотрудники этих органов заполняли с ним анкету. Начиная допрос, они заполняли с ним еще одну анкету: задавали вопросы, выуживали информацию, но, руководствуясь, разумеется, своими задачами, деформировали ее, стараясь придать ей выгодный для своего ведомства характер. Тем не менее что-то эти анкеты фиксировали, как фиксировали и письма, искренние или неискренние, которые люди писали о разных вещах наркомму Орджоникидзе или генсеку Сталину. И колотились, пытаясь найти работу, например, в городе Рыбинске, ради чего обивали все пороги и писали в Кремль. Эта информация, как мне кажется, обладает некоторой самостоятельной ценностью. Вот, разумеется, только один из тех моментов, которые небольшая группа исследователей обсуждает между собой. Здесь я, думаю, могу и даже должен назвать имя руководителя одного из архивных подразделений — архива Управления ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области — Станислава Константиновича Бернева, который довольно активно содействует нашей работе.

(5) Эскиз воплощения сложного замысла

Первоначальный замысел, родившийся в архивной службе ФСБ, состоял в том, чтобы опубликовать списки репрессированных. Дело нехитрое — списки, в принципе, готовы, и требовалось лишь затратить еще несколько недель серьезной работы на то, чтобы их сверить. Однако расхождений и опечаток оказалось слишком много: сотрудники органов торопились и делали свое дело, как могли, — не слишком грамотно. Они не собирались оставлять нам какие-то точные данные. Списки опубликовать можно, но это очень сильное упрощение задачи — хотя бы потому, что это будет всего

лишь «картографический снимок», а совсем не рассказ о том, что было в действительности. Конечно, ни одно следственное дело об этом не расскажет, но все-таки сплошь и рядом в них отпечатались некоторые следы судеб людей и после 1935 г. — хотя бы в виде жалоб или прошений о снятии судимости на основании, например, помощи партизанам в период Великой Отечественной войны.

Мы планируем — с большей определенностью пока сказать ничего не могу, — что это будет публикация, состоящая из нескольких частей и, соответственно, из нескольких томов. Один или два из них будут посвящены организованной по двум критериям публикации этих самых списков: во-первых, перечень всех решений особого совещания с указанием, как они были вынесены, во-вторых, список людей. Поскольку в приговоре особого совещания все указывалось по крепостнически-рабовладельческому признаку (такой-то с семьей из четырех человек), значит, необходим еще один список, составленный уже по индивидуальному признаку, с указанием элементарных биографических данных, которые нужно извлечь из дела. Это — одна часть задачи. Вторая ее часть связана с попыткой описать процедуру, через которую прошли эти люди. Процедура, через которую и до, и после них прошли многие, известна скорее по отдельным мемуарным источникам. Надо постараться выяснить, что они думали, как сопротивлялись (некоторые и не сопротивлялись), и постараться понять, почему. Понять, что думали и как вели себя следователи. Вели они себя, конечно, плохо, но тоже по-разному. Таким образом, перед нами стоит задача выявления и исследования тех крупниц, которые позволили бы создать самостоятельное авторское повествование, тесно связанное с публикацией имен, обвинений, сроков...

(6) Ловушки, которых следует избежать

Проект был задуман как публикация, направленная на то, чтобы предоставить общественный доступ к максимально возможному числу материалов, сделать эти материалы предметом обсуждения, дискуссии, встроить их в контекст более широких размышлений как профессионально-исторического, так и, что еще важнее, общественного характера. Но здесь исследователей подстерегают ловушки.

Архив операции «Бывшие люди» — это 6000 папок, большая часть содержимого которых заполнена стандартной бюрократической информацией. Сплошная ее публикация бессмысленна. Более того, далеко не все, что там есть, можно прочесть без привлечения экспертов-криминологов. Люди писали друг другу записки, что-то вычеркивали, оставляли особые пометы... Как с ними быть? Факсимильная публикация нас тоже не выручит.

Есть еще один самый сложный аспект. Оказываясь под прессом карательных органов, люди не всегда вели себя естественно. Это нормально. Более того, поскольку высылка калечила судьбы и разбивала семьи, то перед людьми возникало много моральных дилемм. Например, высылают человека за то, что его отец был дворянином. У него молодая жена, работница фабрики Урицкого. Есть еще мать жены. Поскольку они жили вместе, образовывали одну семью, а мать жены иждивенка, уже на пенсии или больна, их высылают «гуманно», как крепостных, которых не разрешалось продавать по отдельности. Естественно, жена и мать тоже должны ехать, и тогда жена обращается в органы с письмом, в котором отмежевывается от своего мужа и рассказывает о том, что человек он совершенно ей чуждый, что на самом деле их брак давно распался. Вопрос не только в том, законно ли это печатать, ведь еще не прошли положенные 75 лет, но и вообще хорошо ли это печатать когда бы то ни было, да еще с указанием точных имен? Мы многого не знаем. Может быть, отношения между ними и прежде были совершенно отвратительными, и тогда она, может быть, повела себя не самым героическим образом, но не сильно кривила душой, когда писала это письмо. Может быть, у нее были сугубо меркантильные соображения, и при отсутствии любви эти меркантильные соображения взяли верх. Может быть, она заботилась о том, чтобы ее престарелая мать не оказалась в Актюбинской области без медицинской помощи. На большинство этих вопросов мы никогда не получим ответов. И здесь стоит позаботиться о том, чтобы стремление к правде и справедливости не привело к обнародованию относящихся к личной жизни подробностей, которые могут дать повод для кривотолков.

Наконец, есть еще одно ограничение и морального, и юридического характера. В некоторых делах имеются следы — именно следы! — агентурных материалов, говорящие об общественном климате и состоянии умов в тридцатые годы прошлого века. Это случаи довольно примитивного доносительства — некомпетентного, вызванного завистью к человеку чуждого происхождения или к тому, что у кого-то больше жилплощадь.

Далекий и сравнительно благополучный 1935 г. теряется в разноликой череде трагических событий советской истории. Историк, тонко чувствующий время, в своей недописанной книге с рабочим названием «Обыденная трагедия» хотел рассказать о репрессиях, которым подверглись в большинстве своем ничем не примечательные люди. За редчайшим исключением они не оставили свидетельств о своей судьбе, которые обладали бы художественной силой, позволяющей потомкам ощутить подлинный трагизм их жизней. Напротив, многие из них старались забыть о пережитом — и не только в силу необходимости существования в советской стране, но и под влиянием унизи-

тельности и бессмысленности выпавшего на их долю наказания. Никто из жертв операции «Бывшие люди» не подвергался физическим пыткам, им не грозила немедленная смерть. Для некоторых из них события весны 1935 г. стали прологом к скоропалительным смертным приговорам в местах заключения или к ссылке. Других, напротив, высылка из Ленинграда уберегла от куда более тяжелых репрессий, обрушившихся на жителей города в 1937–1938 гг. и в последующие годы. Словом, произошедшее в Ленинграде весной 1935 г. было *обыденной трагедией* — как обыденным был описанный Солженицыным один день Ивана Денисовича¹.

Почему О. Н. Кен взялся за то, чем прежде никогда не занимался? У меня есть свой ответ на этот вопрос. Последние годы его короткой, но яркой и запоминающейся жизни отмечены особым отношением к себе и своей профессии. Он понял, что может не только выдвигать большие цели, но и, опираясь на собственный потенциал, их достигать. Не каждый ученый носит в себе чувство, дающее ему моральное право считать, что он сполна владеет своей профессией и может браться за решение нестандартных, головоломных задач. Назову это профессиональной дерзостью, максимализмом, энтелехией, под которой древние греки понимали едва ли не фантастическое, нематериальное жизненное начало, только и позволяющее превратить возможность в действительность.

Второе (а может быть, по важности первое) обстоятельство — это история семьи Олега Николаевича и его собственная прошедшая под зловещим знаком сталинского ГУЛАГа жизнь. Напомню читателям, что Олег Николаевич Кен родился 13 марта 1960 года в городе Орске Оренбургской области, на Южном Урале, в семье выпускников филологического факультета местного пединститута. Когда Олег Николаевич был подростком, его родители расстались, и фактически отцом для него стал дед по матери Николай Генрихович Кен (родился в 1914 году в Харькове, скончался в 2001 году в Санкт-Петербурге). С середины 1930-х годов он работал в руководстве Осоавиахима СССР. Анкетные данные Николая Генриховича (речь идет о судьбоносном пятом пункте — национальности: по отцу Н. Г. Кен был немцем), а также арест его начальника — легендарного председателя Центрального совета Осоавиахима комкора Р. П. Эйдемана, позже расстрелянного по «делу о военно-фашистском заговоре в РККА», — предопределили его судьбу. В 1938 году, попав под разнарядку «немецкой операции НКВД», он был арестован и после нескольких месяцев Бутырской тюрьмы отправлен в Вятлаг. В 1947 году Кена-старшего расконвои-

¹ В этом абзаце выделенный курсивом фрагмент взят из набросков к Предисловию к книге О. Н. Кена «Обыденная трагедия».

ровали и сослали в Оренбургскую область, куда вскоре к нему из Москвы приехали жена и дочь.

Его собственноручно заполненная анкета с 1993 года хранится в архиве Санкт-Петербургского Научно-информационного центра «Мемориал». Татьяна Косинова, одна из самых деятельных сотрудниц Центра, обнаружила ее уже после смерти Олега Николаевича. Она вспоминает, что безотказный во всем, если речь шла о помощи и поддержке героических усилий «Мемориала» по сохранению памяти о жертвах сталинских репрессий, Олег Николаевич никогда не рассказывал о своих гулаговских семейных корнях. От себя добавлю: его скромность граничила с аскетичностью, и в этом убеждался всякий, кого с ним сводило общее дело, общий интерес, а то и просто счастливый случай (все, кого сталкивала с О. Н. Кеном жизнь, считали встречу с ним, если говорить без обиняков, удачей). О себе он всегда говорил мало, демонстративной обращенности своего «я» вовне предпочитая самонаблюдение, самоуглубление, внутреннюю рефлексию пережитого и переживаемого. Может быть, по этой причине мысли О. Н. Кена так логичны, отточены и лаконичны. Их цель — убедить собеседника или читателя в своей правоте.

И еще об одном, более сокровенном и интимном. Возможно, Олег Николаевич чувствовал признаки глубокого нездоровья и потому спешил придумывать, предлагать и, конечно же, воплощать в жизнь. Проект «Бывшие люди» его увлек, не давал ему времени на передышку. Как историк и гражданин, Олег Николаевич понимал, что может и должен сказать слова, которые необходимы, в которых жизненно заинтересовано современное общество и конкретные люди, чьи судьбы или судьбы их родных и близких оказались в жерновах НКВД, но, может быть, еще больше будущее российское общество.

Передавая эстафету памяти об Олеге Николаевиче Кене, скажу еще о двух важных вещах. Я от корки до корки прочел небольшие тетрадки воспоминаний Николая Генриховича Кена о его жизни и, в частности, о годах, проведенных в Вятлаге. Текст этих воспоминаний создавался несколько лет, писать было трудно, как невозможно было уйти от яви и теней прошлого. Первая тетрадка начинается примечательными словами Кена-старшего: «Писать начинаю по настоятельной просьбе Олега. Он, как совесть, стоит передо мной... и требует — "пиши"». Кстати сказать, есть в этих воспоминаниях слова, которые живо напомнили мне уже упомянутый дерзкий профессионализм Олега Николаевича. Вот они: «Первая работа в лагере была трелевка леса, т.е. бревна надо было собирать, класть на плечи и складывать в штабель. Я всегда брал на плечо комель, а не вершину. Не только потому, что я был моложе других». Осмелюсь настоятельно просить сообщество, решившее объединиться вокруг имени Олега Николаевича Кена, своего рода Службу памяти о нем, опу-

бликовать эти воспоминания. Они запомнятся всем, кто их прочтет, да и читаться они будут на одном дыхании, потому что читателям будет боязно пропустить хотя бы слово.

В дни прощания с О. Н. Кеном сайт Полит.ру подготовил посвященный его памяти выпуск¹. Говорили о нем многие друзья и коллеги, но более всего мне запомнились слова о том, что главным своим «достижением» Олег считал семью — жену Веру и сыновей Войцеха и Даниила. Дом, по выражению поэта Мандельштама, «раздвижной и прижизненный», был фундаментом, основой его существования, источником тепла, нежности и любви. *Genius loci* дома Олега и Веры, образом этого реального и идеального пространства, был «Портрет жены историка» кисти Таисии Афониной, бóльшую часть их совместной жизни провисевший над рабочим столом Олега Николаевича.

*Профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге,
доктор философских наук Борис Фирсов*

---

¹ См.: <http://www.polit.ru/analytics/2007/11/23/ken.html>.

